

Из серии рассказов о сотнике Полтавского куреня Иване Григорьевиче Суре. Нападение горцев на курень Полтавский в 1820 году.

В 1820 году полк Ивана находился на льготе, а казаки его по своим куреням. Вот тогда-то и произошло событие, за которое Иван получил Знак отличия военного ордена им. Св. Георгия. Но все по порядку.

1 февраля 1820 года

Не спалось Ивану! Встал, накинул свитку, вышел во двор. Еще не рассвело. Мороз и тишина. Но почему так тревожно на сердце? Может, из-за присланных для охраны куреня отрядных казаков? Есть, наверное, недобрые сведения от наших лазутчиков. Не ошиблось сердце Ивана...

Часа за два до рассвета, 1 февраля, закубанские черкесы до десяти тысяч подошли большими толпами к реке Кубань, ниже Ольгинского кордона в 2-х верстах против первого пикета, и перешли по льду на нашу сторону. Одна часть хищников сразу последовала к кордону.

Героический Ольгинский кордон, сколько же нападений черкесов ему пришлось пережить, не сосчитать. В то время он входил в третью часть пограничной линии, которая состояла из Новоекатериновского (170 казаков), Ольгинского (200 казаков), Славянского (90 казаков), Протоцкого (30 казаков) постов и Мышастовских казарм (16 казаков). См. схему.

Обратимся к рапорту командующего («правущаго», так в документе) 5-м конным полком Полкового Есаула Животовского:

«Черкесы сразу же постарались окружить кордон, но я успел отправить нарочного с извещением об осторожности к Войсковому Полковнику Стороженко, стоящему с командой в Ивонивском селении, а также попросил известить его о нападении Стеблиевский и Полтавский курени.

Две другие большие толпы черкесов заняли Красный лес, дорогу, идущую в Полтавское селение, и сделали движение по направлению к Ивонивскому. Осада черкесами кордона, для удержания в нем наших команд, продолжалась. Для снятия блокады решился я выпустить нашу пехоту, которая под командованием Полкового Есаула Василя Соляника-Краса сильной ружейной стрельбой отразила нападение горцев и, подкрепленная нашей конницей, отбросила их от кордона до переправы. Закубанцы опять пошли в атаку, но я успел отправить для подкрепления Ивонивского селения к Войсковому Полковнику Стороженко сотника Козенка и Зауряд-Хорунжего Шевченко с 30 конными казаками и из Новоекатериновского кордона сотника Загинайло и хорунжего Чалежа с 50-ю конными казаками (см. схему).

Из черкесских сильных толп, занявших Красный лес, отделилась отборная конница в количестве двух тысяч всадников и поскакала по дороге к селению Полтавскому (см. схему). И я, видя невозможность последовать и пробиться с малозначительными моими командами через толпы черкесские, занявшими берег Кубани и все пространство поля с левой стороны Ольгинского кордона, пустился с моей командой из 100 человек состоящей, серединой леса прямо к Ивонивскому селению, и, пробежавши лес, поворотил на почтовую дорогу, где и соединился при Каракубанской почте с командой Войскового Полковника Стороженкова (см. схему). Состоя в его повелении, последовал на дорогу по коей черкесы возвращались из Полтавского селения. Не взирая на чрезвычайное превосходство их сил, вступил с ними в сражение, продолжавшееся на месте более часа. Принудил черкес отступить к ожидающим их большим толпам на углу леса, которые хотя и подкрепили их, но не остановили движение нашей пехоты и конницы. Порассеяли хищников на пространстве десяти верст до самой переправы на Кубань.

Отбили немалое число награбленного в селение Полтавском».

Далее шел список особо отличившихся офицеров, все они были упомянуты в его рапорте.

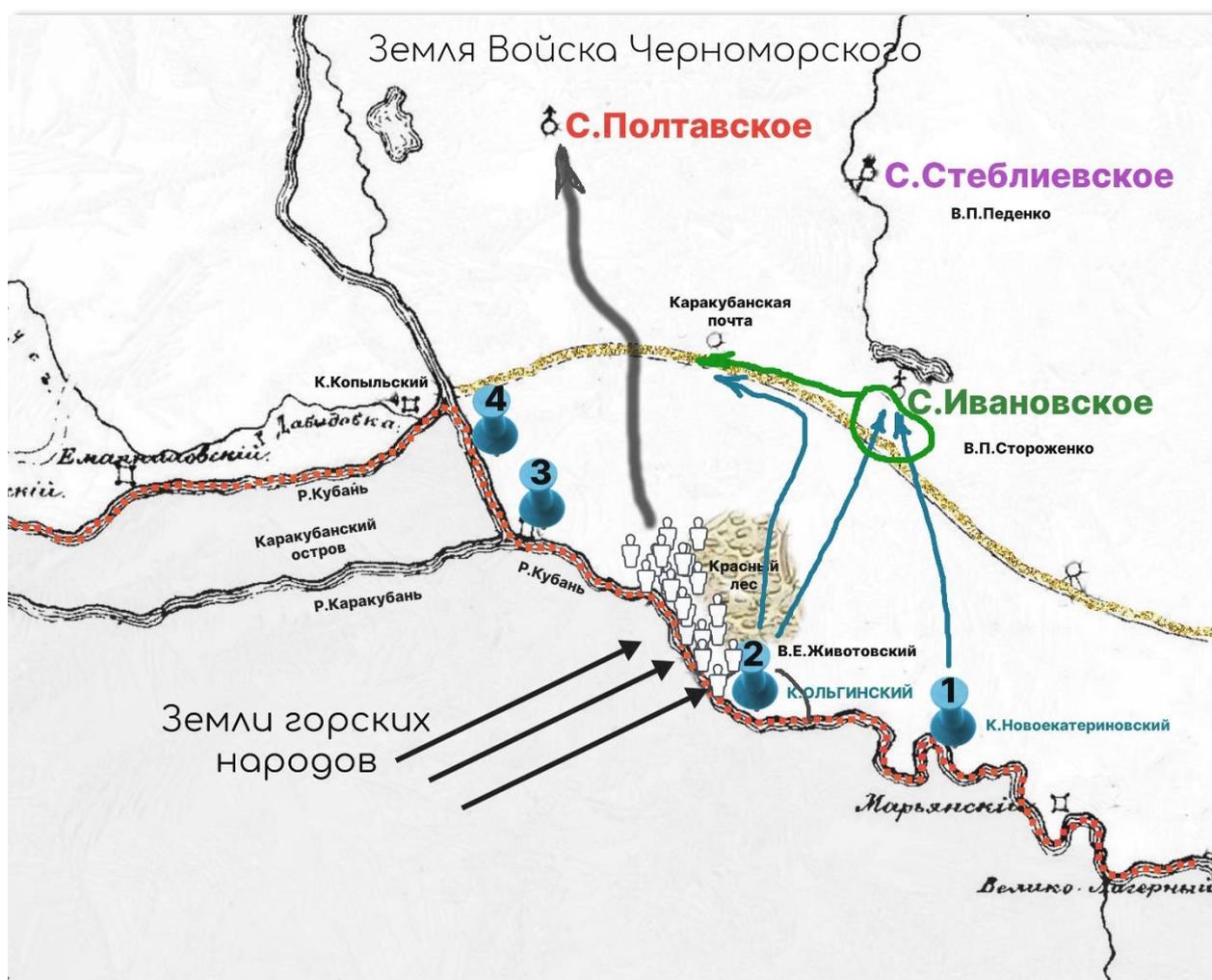

Схема нападения горцев на курень Полтавский (кордоны: 1 – Екатериновский, 2 – Ольгинский, 3 – Славянский, 4 – Еркувский).

Прочитаем рапорт Воскового Полковника Стороженко наказному атаману Войска Черноморского Полковнику Матвееву.

«Сего февраля 1-го числа по утру Полковой Есаул Животовский заметил, что закубанские хищники, собравшись в великом количестве, переправились пониже Ольгинского кордона на нашу сторону, известил меня об этом. Я в ту же минуту послал Войсковому Полковнику Педенко, стоявшему с командой в Стеблиевском селении, нарочного для извещения и подачи вспомоществования, и чтобы оный от себя дал знать в Полтавское и Джерелиевское селения.

Сам с присланными в помощь от Полкового Есаула Животовского сотником Козенком с 30 человеками и своею командою отправился к

Каракубанской почте для секурса (военная помощь, подкрепление – Е.И.). См. схему. Заметив, что черкесы ретировались из Полтавского селения, вторично послал нарочного к Войсковому Полковнику Педенко о вспомоществовании, но от оного никого не было, а подоспел Полковой Есаул Животовский с сотниками Шагингиреем Гусаровым, Тимофеем Засинайским, Зауряд-Хорунжим Шевченковым и с семьюдесятью человеками казаков.

Тогда подал я пушечный сигнал оному же Педенку, а оттель командировался в левую сторону к Круглику (Красный лес – Е.И.) для пересечки означенных шапсуг, которые ретировались с Полтавского селения на переправу, ведущую на их сторону. Отбил у них большое количество рогатого скота, похищенного в Полтавском селении, и коих же шапсуг разбил на три части в степи и поишли оные с великим уроном к реке Кубань: 1-я пониже Ольгинского кордона напротив 1-го пикета (где и сюда переправу имели), 2-я повыше Тиховского пикета и последняя пониже оного. Убитых шапсуг неизвестно сколько, потому что черкесы многих хватали и бросали по камышам».

Далее идет список отличившихся офицеров.

Из рапортов Войскового Есаула Животовского и Войскового Полковника Стороженко о нападении горцев становится понятно, что Полтавскому селению никто из них не смог помочь. Действия Животовского я бы оценила на отлично. Вовремя заметил переправу, вовремя по цепочке предупредил, всей душой рвался на помощь и Ивонивскому, и Полтавскому селениям, не побоялся оставить Ольгинский пост (а все-таки под его защитой спокойнее было), не испугался вступить в бой с отступающими из селения Полтавского хищниками.

Войсковой Полковник Стороженко очень ждал помощи от Войскового Полковника Педенко, находящегося с командой в Стеблиевском курене, но не получив ее, вступил в сражение с закубанцами, возвращающимися из Полтавского куреня.

А вот почему Войсковой Полковник Педенко, находясь с командой казаков в Стеблиевке, которой ничего не угрожало, не поспешил на помощь Полтавскому селению, как это сделали войсковой полковник Стороженко и войсковой есаул Животовский, для меня осталось загадкой, так же как и то, предупредил ли кто Полтавское селение о нападении.

*«Отборная конница черкесов в количестве **двух тысяч** наездников понеслась в курень Полтавский....»* - так было написано в рапорте Животовского. А теперь прочитаем рапорт Полкового Есаула Сирوماхи, стоявшего с командой отрядных казаков в тот день в нашем курене для его подкрепления.

«1-го числа февраля месяца 1820 года в 11-ом часу во время отправления божественной литургии, денные (дневные – Е.С.) наши резервы произвели ружейные выстрелы, на которые я в ту же минуту выбежал и увидел превосходящие неприятельские силы, подступающие под Полтавское селение с распущенными знаменами (командир отрядных казаков был на литургии, значит, никакого извещения о нападении он не получил – Е.И.).

*Неприятель, прибывши к селению, тот час, окружил оное со всех сторон огромными силами своими, коих имел он в действии более **трех тысяч**, и множество по степи расставленных резервов, и сделал самое жестокое и упорное нападение. Команда моя, бывшая всегда в готовности на отражение неприятеля, вместе с жителями куреня Полтавского вступила с ними в Великий бой! Сражение продолжалось более полутора часа, самое упорное и кровопролитное. Толпы их со всех сторон врывались на наши улицы разваливая на оных сделанные нами насыпи и огорожу. Но в ту же минуту командами нашими были отражаемы со значительными для них потерями. Неприятель все внимание свое обратил на войсковой лазарет и действующую там пушку, но был и здесь сильно опрокинут и по разорению нескольких домов совершенно прогнан.*

Во время сражения с нашей стороны ранен сильно в живот пулей полковой хорунжий Синьговский, кой по исповеди чрез два часа умер. Убит на месте казак Никита Подольский из полка Подполковника Дубоноса. Ранены: из отставных: житель сего селения Димид Бадир в обе руки на вылет пулею, Данило Крупка и Григорий Шкиль, кой по исповеди скончался (родной дед Григория Малаховича Шкиля, нашего знаменитого земляка – Е.И.), Елисей Зайка из 9 пешего полка пулею в руку, Иван Вергуль, находившийся на лечении в лазарете, саблею в голову, опасно.

В плен взяли из жителей сего селения козака Михайло Гузина, Петра Загорулько, Романа Юрченко, казака Багирь дочь Феклу, казака Шкиля жену Ефимию и дочь Ефимию, у казака Марченко жену Пелагею, сына Логвина и дочь Марту, у казака Литвина жену Вассу и дочь Домникию, казаков 9-го пехотного полка во время сражения Ивана Бородавку и Михайла Малого (не все, взятые в плен в тот день, в этом списке указаны. К сожалению, их было больше – Е.И.).

Скота рогатого рабочего, который при дворах находился 80 штук, две лошади и 70 овец. С войскового лазарета лазаретной посуды: медную кастрюлю, два котла, топор, 3 одеяла, 3 простыни, и с водопоя колодезного 4 пары артельных волов.

С их стороны потерь нарочито значительнее: убитыми осталось 30-ть, из числа коих 2 дворянина, подхваченных ими с земли мертвы и с собою увезены 22, раненных до 70-ти. Лошадей отбито живых 9, сабель и ружей до 25, лошадей убито под ними и ранено до 50.

На отражение неприятеля выброшено (израсходовано – Е.И.) с орудия 16 ядерных снарядов и 2 картечных, патроны: казаками 9-го пехотного полка 3525, да жителями селения Полтавского 520-ть.

При отражении жестокого нападения сего на селение и при охранении оногo от совершенного разорения наиболее оказали отличную храбрость, мужество и истинное усердие к службе Полковые Хорунжие Михайловский,

Гребенник и Зауряд-Хорунжий Кондруцкий. Также в первом огне находились во все время сражения и отличили себя довольно мужеством урядники Кучера, козаки 9 пешего полка Никита Колесник, Христофор Загинайло, Назар Марченко, 10-го конного полка Фома Пидгирный и из жителей селения Полтавского Семен Хиз и канонир Кирило Белик.

Из числа захваченной черкесами в селении сем скотины отбито Полковым Хорунжим Михайловским до 60 штук и все овцы, захвачены у черкесов два знамени. Прошу Ваше Высокоблагородие вашего ходатайства у главного начальства сим отличным чиновникам его внимания.

Честь имею также донести, что здешней слободы священник Григорий Стрешенко, при отражении врага с крестом в руках выходил вперед, поощряя казаков словами своими, везде следовал за нами на лошади и тем очень способствовал к поражению злодеев сих. Полковой Есаул Сиромаха. 02 февраля 1820 года».

Бой закончен, неприятель прогнан, вечереет, послушаем, о чем думает Иван.

«День близится к концу. Как много горя и разорения принес он моему куреню. Сколько людей взяли в плен, вернутся ли они? Про себя знаю, сделал все, что мог. Находясь возле станичного орудия, одну за другой отражал атаки горцев, пытавшихся его захватить. Все ведь понимали, что два-три удачных выстрела даже одной пушки могут заставить толпы горцев бежать, поэтому так и охраняли ее. А артиллеристы продолжали стрелять, рассеивая горцев и заставляя их беспорядочно отступить.

Казалось, этот бой никогда не закончится, но постепенно мы вытеснили горцев из селения и начали гнать их до границы, отбивая захваченный скот».

Команда отрядных казаков, возглавляемая Полковым Есаулом Сиромахой, состояла примерно из 70 человек, а нападающих было несколько

тысяч. Отразить такое нападение без участия жителей селения, было бы невозможно. И они, как один, встали на защиту своего куреня, восхищая своей храбростью и бесстрашием. В рапорте Сиромахи упоминаются несколько жителей селения, да и только. Мало того, взятая у черкесов добыча, была поделена без участия жителей куреня, отсюда, наверное, и случилась жалоба, разбираться с которой Войсковой Атаман Матвеев отправил в селение Войскового Полковника Порохню. Хочу напомнить, что в этом сражении пал смертью храбрых сельский смотритель, Полковой Хорунжий Синьговский, останься бы он жив, может, того, что случилось, и не произошло бы.

Читаем рапорт войскового полковника Порохни:

«Во исполнения поручения, данного мне Вашим Высокоблагородием 3 сего марта, об учинении мною следствия в селении Полтавском о том, куда поступили отбитые у черкесов 1 февраля при нападении на оное селение лошади, оружие и прочие вещи.

Взятые с жителей под присягой показания и копию с присяжным листом, на рассмотрение Вашего Высокоблагородия представляю. Из коего изволите увидеть, что жители ничем из той добычи не воспользовались по той причине, что все старались более защищать свой дом, семейство и наносить неприятелю поражение и вытеснить его скорее из селения, нежели обращать внимание на добычу. Отрядный командир Полковой Есаул Сиромаха из полка Войскового Полковника Педенка со своею командою не стал преследовать неприятеля, остался в селении, и не давши жителям рассмотреть, успел забрать и скрыть всю добычу до приезда Педенка, который по произволу своему делил оную между чиновниками и отрядными казаками.

Я не смог отыскать этих лошадей и вещей, потому что Педенко, по предписанию Вашего Высокоблагородия от 1-го сего марта, распустил весь свой отряд и сам уехал того же числа в дом свой.

Отобрал я только раненную лошадь, подаренную Педенком священнику того селения Григорию Стрешенко и поручил ее тамошней сыскной полиции для корму и смотрения впредь до повеления Вашего Высокоблагородия и сысканное у казака, жителя того же селения, одно, из числа добытых, седло, которое отправил с ним в Екатеринодарскую карантинную контору для очищения (Люди и имущество, соприкасающиеся с вещами черкесов, должно были подвергаться очищению в карантине до 20 дней. Чумы боялись, как огня, из-за отсутствия должной медицинской помощи - Е.И.).

Сверх того, жители чувствуют совершенное недовольство и обиду на Педенко, который, продовольствовавши команды свои по квартирам пищей, и лошадей сеном, не рассчитался с ними: не дал расписки, не взял от них квитанции и уехал. Таковые меры не только чувствительны для жителей, но не справедливы и разорительны. Невозможно сносить такое притеснение от братьев своих, поэтому просят вашего отеческого покровительства.

5 марта 1820 года».

А сейчас познакомимся с обращением жителей Полтавского селения к войсковому атаману.

ПРОШЕНИЕ

«1820 года марта 3 дня жители селения Полтавского Тимофей Линский, Герасим Дудка, Фома Пидгирный, Яким Голуб, Федор Дудка, Семен Хиз, Каленик Черный, Максим Задирака, Евдоким Белоус, Никита Водолаг, Захар Телега, Иосиф Пидгирный, Каленик Коваленко, Никита Летючий, Андрей Жук, Иван Задирака, Филипп Белый по предписанию господина Войскового Атамана Полковника и Кавалера Матвеева по поводу отнятия у черкес при нападении их 1 февраля сего года на оное селение лошадей и вещей под присягою показали, что во время названного нападения, когда горцы в больших силах ворвались в середину селения, то вооруженные жители,

выбегающие из своих домов, дрались с ними на улицах, и которых убивали, не останавливались над ними, а продолжали сражаться и выгонять черкес из селения. А потом и преследовали их.

Воротившись в селение, увидели, что тела убитых горцев обнажены отрядными казаками 9 пехотного полка Полковника Педенко, стоявшими тогда в селении. Того же отряда командир, хорунжий Гребенник, снял с одного черкешина одеяние: свитку, штаны и шапку, и надел на себя.

Какие на тех черкесах были одежды, оружие и другие вещи, мы не ведаем. Офицеры той команды не допустили жителей воспользоваться добычей, отбитой у черкесов. 10 самых лучших лошадей с седлами забрал начальник отряда Полковой Есаул Сиромаха в ротный двор, где и содержал до приезда Полковника Педенко, который по прибытии в селении разделил оные: себе взял двух мерингов белого и шпакватого (темный, с белесоватою рябью, пестренький, в брызгу, крапчатый - Е.И.), Есаулу Сиромахе белого и гнедого, Хорунжему Гребенникову рыжего и белого, Сотенному Есаулу Кондруцкому одного гнедого, писарю своему Самбурскому одного рыжего. А до приезда Педенко Есаул Сиромаха отдал Хорунжему Михайловскому, случившемуся проездом в селение и принимавшего участие в сражении, одного белого. Два седла и одного гнедого дал священнику сего селения Стрешенко. Последних же 8-мь лошадей, раненных и изнуренных, Педенко продал за 130 руб. 45 коп.

Из числа коих денег отдано на церковь здешнюю 105 руб.45 коп., а 25 руб. употребил в отрядной команде, а седла от раненных лошадей разделил между отрядными чиновниками и собой.

Более никаких вещей, подлежащих карантинному очищению, жители не ведают и, сверх того, оружие, отбитое у черкесов, кому оное досталось, чиновникам или отрядным казакам, не знают. Все вышенаписанное показали справедливо и в том подписываемся».

На эти обвинения Войсковой Полковник Педенко ответил следующее:

«Увидав из предписания Вашего Превосходительства сего марта 9 числа, что Полковник Порохня, по отбытии моем чинил следствие в селение Полтавском о нападение на оное закубанских черкесс 1 февраля и об отбитых у них нашими людьми лошадей, оружия и прочих вещей, которые требуют карантинного очищения, честь имею ответствовать.

Получив в селение Стеблиевском рапорт Есаула Сирوماхи о нападении, я на следующий день приехал в селение Полтавское. По прибытии спрашивал Есаула Сирوماху, Хорунжего Гребенника и Есаула Кондруцкого, казаков моих и жителей о вещах, но все отозвались, что никто никакими вещами не воспользовался. Затем, получив еще один рапорт от Сирوماхи, я отправил его на ваше рассмотрение, а сам возвратился в курень Стеблиевский.

6 февраля, по вашему предписанию, выступил с полком из селения Стеблиевского и прибыл в селение Полтавское, а 1 марта распустил полк.

Полковой Есаул Сирوماха объявил жителям и отрядным казакам о продаже лошадей, пришедших в крайнее изнеможение, и о том, что вырученные деньги отдаст в пользу церкви. Я не допускал их продажи до получения от вас на это разрешения, но такового не получил. И видя недовольство, допустил, но взял расписку у священника.

Что же до того, что у меня две лошади, то оные подарены мне при той же продаже казаками моего полка и жителями с общего согласия, а также священнику, Сирوماхе и остальным.

Войсковой Полковник Порохня не должен был чинить следствие между одними жителями, а должен был сделать это в бытность мою и полка в селение.

Жители Полтавского куреня жаловались Вашему Высокоблагородию, что им не было заплачено за продовольствие казаков, сие точно справедливо. Черноморская канцелярия после подачи документов все посчитает, и жители одного селения получают деньги».

Вот такие события произошли в нашем курене после его героической защиты. Трудно понять через двести лет, на чьей стороне была правда, думаю все-таки, на стороне жителей.

Жителями Полтавского селения был составлен *«Список у кого именно и сколько скота и лошадей взяли черкесы в плен. Сколько возвратилось и чего именно»*, в нем числилось 43 фамилии. Был подведен неутешительный итог:

- Похищено скота **289** (из него 89 овец) и **13** лошадей
- Возвращено скота **95** (из них овец 66) и **7** лошадей.

Потери оказались очень большими, приведу фамилии некоторых из этого списка:

- Каленик Черный, похищено 13, возвращено 5
- Семен Хиз, похищено 6, возвращено 4
- Захарий Телега похищено 1, возвращено 0
- Григорий Шкиль похищено 2, возвращено 1
- Тимофей Линский, похищено 10, возвращено 3.

С Тимофеем Линским произошла еще одна история. По окончании сражения в родном курене он с прочими жителями преследовал черкесов. Заколол пикою двоих и взял их лошадей с седлами, но на обратном пути у него отобрал его добычу Хорунжий Михайловский. Было разбирательство, Михайловский отверг эти обвинения, и чем дело закончилось, непонятно.

Награждение офицеров

В конце всех рапортов о нападении на селение Полтавское (а их у нас было, как вы помните, три: от Полкового Есаула **Животовского**, Войскового Полковника **Стороженко** и Полкового Есаула **Сирромахи**) имелись списки лиц, особенно отличившихся в сражении, которые далее отправлялись по инстанциям и появлялся приказ о награждении.

Войсковой Полковник **Кирило Стороженко** и Полковой Есаул **Петр Животовский** были награждены орденами Св. Владимира 4 степени с бантом. Все офицеры, упомянутые в **их** рапортах, тоже не были забыты: кто получил ордена Св. Анны, кто золотые сабли с надписью «За храбрость», кто повышение в чине.

Не получил никакой награды Полковой Есаул **Сиромаха** и лица, упомянутые в его рапорте: Полковые Хорунжие **Михайловский** и **Гребенник**, Зауряд-Хорунжий **Кондруцкий**. Думаю, это было справедливым наказанием за тот беспредел, который они устроили с дележкой добычи. При том, что многие жители куреня Полтавского понесли серьезный ущерб, который им никто не возместил.

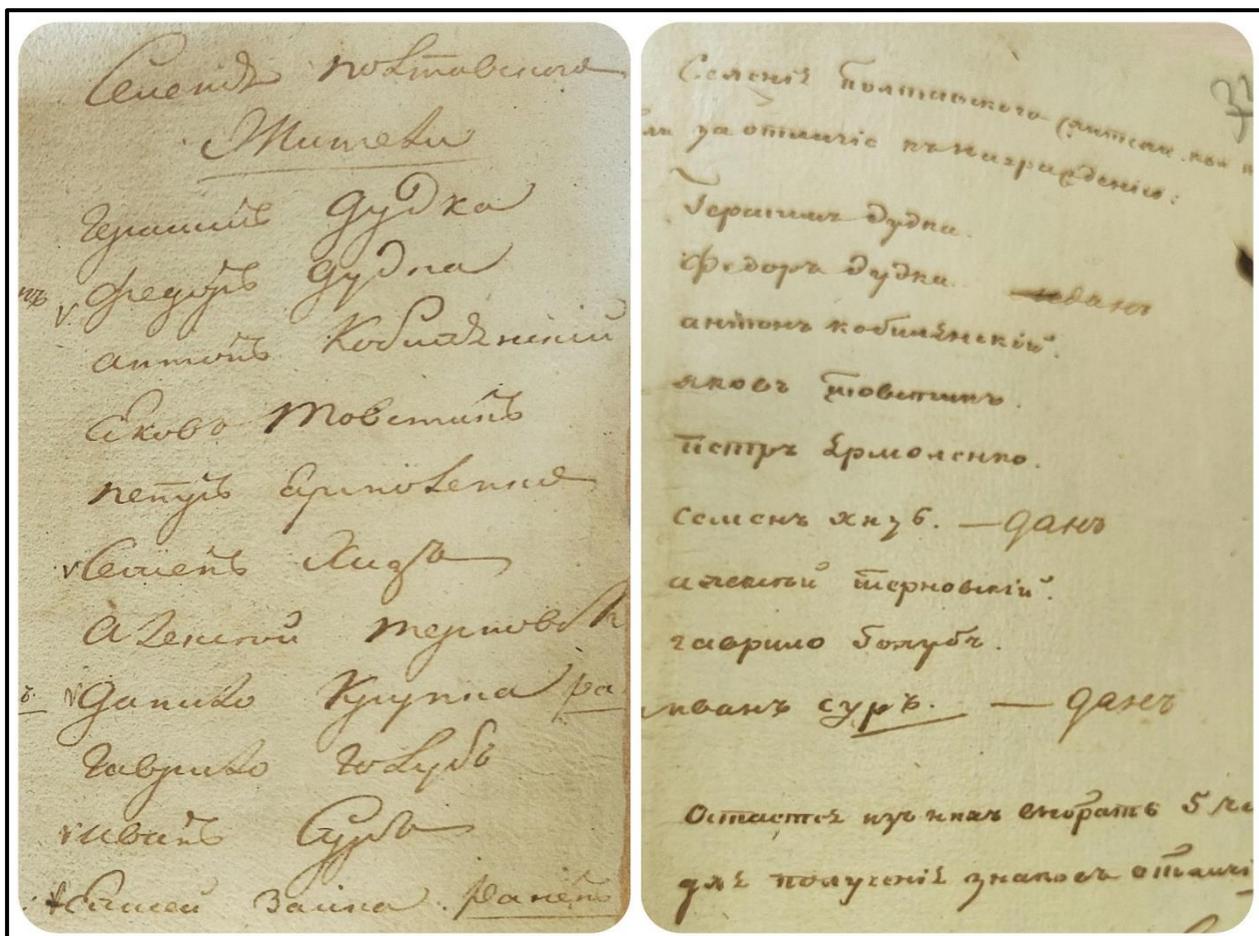
Зимой 1820 года произошло 4 крупных нападения на разные пункты Черномории, одно из которых на наш курень. За проявленное мужество при отражении этих вторжений высшее руководство империи выделило 42 знака отличия военного ордена вместе с лентами на каждый по четыре вершка. *«Знаки сии поручаю вам приказать возложить на достойнейших при строжайшем наблюдении с вашей стороны, чтобы не только одними начальниками было засвидетельствовано, но и товарищи нижних чинов выбрали среди себя действительно заслуживших такового отличия»*, из письма Генерала Ермолова Войсковому Атаману Полковнику Матвееву от 12 июня 1820 года.

Почти сразу после нападения жители селения Полтавского составили список особо отличившихся при защите куреня и передали его 4 февраля 1820 года Войсковому Полковнику Порохне, а он уже дальше по инстанции (см. приложение).

«Полученный мною список от полтавского общества, жители коего особенно храбро и мужественно сражались против черкесов, напавших на оное селение 1-го февраля, подношу начальничьему возрению и вниманию Вашего высокоблагородия. Не оставьте их вашим благоволением, сверх того,

нужно жителям для таковой храброй обороны против неприятеля отпустить пороха и свинца сколько изволите приказать».

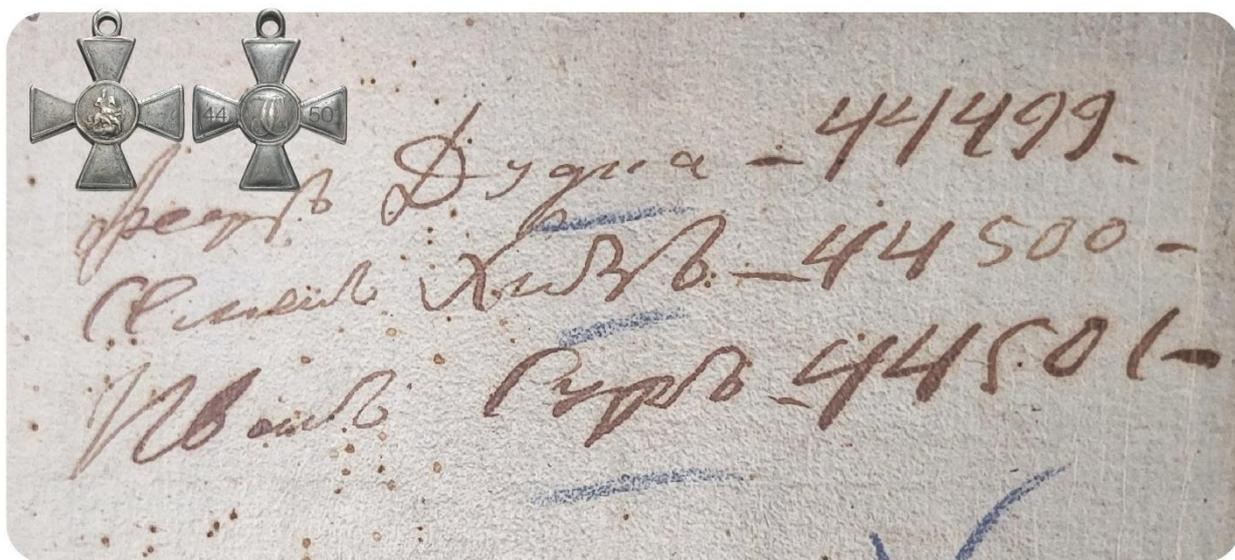
Всего в списке было 79 фамилий и под номером 61 Иван Сур. Вот из этих 79-ти казаков полтавское общество для представления к награждению знаком отличия военного ордена выбрало самых достойных: Герасима Дудку, Федора Дудку, Антипа Кобылянского, Якова Товстика, Петра Ярмоленко, Семена Хиза, Алексея Терновского, Данилу Крупка, Гаврило Голуба, **Ивана Сура**, Алексея Зайку.

Список этот немного менялся в связи с тем, что некоторые из указанных казаков получили свои ордена по полкам, в которых они служили. Остальные, думаю, были награждены, но в деле встретились номера орденов только на трех казаков из списка, среди них был и наш Иван. В описании подвига в документах к награждению написано: «были всегда впереди, своею

храбростью ободряли товарищей, подавая им пример действовать неустрашимо, отразили все атаки неприятеля на нашу артиллерию».

Иван Григорьевич Сур за храбрость и мужество, проявленные им в отражении неприятеля, напавшего 1 февраля 1820 года на селение Полтавское, награжден Знаком отличия военного ордена Св. Георгия под № 44501.

Елена Сабур (Собур)

02.03.2024

Приложение: «Список казакам, жителям Полтавского селения, отличившимся при отражении черкес, напавших на оное селение».

по записи действительного полковника в сере
 бряный мундире и в мундире приотраденный гер
 бовый нападательный на коносе сестрице

277 229

1	Василий Иванович	Кто сестра отца
2	Василий	Киев
3	Врашиль Федор	} Збывши 2-й человек
4	Федор Федор	
5	Тимофей митский	Збыв. 2
6	Антонь Ковиланский	Збыв. 1
7	Михаил Тимофеевич	
8	Федорь проставь	
9	Параскевий Морозов	
10	Семенъ тильга	
11	Яковъ Воробейко	
12	Михаило Чижиковъ	
13	Михаило поитарецъ	
14	Иванъ Пимель	
15	Асраиль Косань	
16	Иванъ Гадирана	
17	Иванъ Гадирана	
18	Федоръ Мечеть	
19	Тимофей Ермоленко	
20	Василь Бондарь	
21	Иванъ Лаврентий	
22	Василь Софий	
23	Иванъ Манро	

22.	Анонъ	Полоцкий	—	Дубль 1.
23.	Каша	Юренин	—	
24.	Ешишъ	Богдановъ	—	
25.	Козьма	Савицкий	—	
26.	Каленникъ	Кваменскій	—	
27.	Мартишъ	Запорожскій	—	
28.	Бисельскъ	Редутскій	—	
29.	Петро	Бриколетно	—	Два Дубля - 1.
	Синь	Всё	—	
30.	Средоръ	Таранъ	—	
31.	Семенъ	Неширенскій	—	
32.	Мина	Михей	—	
33.	Захарий	Гуркина	—	
34.	Средоръ	Крукавецкис	—	
35.	Саргертонскій	Сайка	—	
36.	Сашъ	Сайка	—	
37.	Охрышъ	Келтунъ	—	
38.	Среша	Подгорный	—	
39.	Иосифъ	Подгорный	—	
40.	Семенъ	Сабеланскис	—	
41.	Семенъ	Мизъ	—	Дубль 1.
42.	Кирило	Драй	—	
43.	Евдокимъ	Мшица	—	
44.	Синъ	Евсейскъ	—	
45.	Среша	Сологенин	—	
46.	Данило	Серва	—	
47.	Среша	Степанъ	—	
48.	Наско	Степанъ	—	
49.	Аско	Сажда	—	

